

ЯСЯ
БЕЛАЯ

МЁРТВЫЕ НАЛОЖНИЦЫ МОЕГО МУЖА

Яся Белая

Мёртвые наложницы моего мужа. Часть 1

<https://litres.ru/74221198>

Аннотация

Меня выдали замуж за вана Ся Инчжи — человека, чьё имя не произносили вслух без суеверного страха. Говорили, что три его жены умерли в первую же ночь, и небеса приняли их жизни как плату за древнее проклятие.

Мой род знал, что делает. В доме Дэ есть дочь, которой не жаль. Меня зовут Дэ Аньхэ — та, что приносит несчастья, монстр с голубыми глазами, знак дурной крови и дурной судьбы. Если кто и должен войти в проклятый дом, то я.

Но, переступив порог резиденции Ся, я узнала: проклятие вана не касается его наложниц. Их в его доме много — слишком много для женщины, обречённой делить с ними кров и тени. Они шепчутся за ширмами, улыбаются, считая меня мёртвой ещё до рассвета.

— Они могут усложнить вам жизнь, госпожа, — говорит старая няня, поправляя мою причёску.

Я смотрю на своё отражение в бронзовом зеркале и надеваю корону феникса. — Тогда им всем не стоит дожидать до рассвета.

_____ Авторский мир с лёгким флёром Китая :)

Часть 2

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. И это, по-вашему, брачная ночь?	15
Глава 2. Шёпоты в саду так чётко слышны...	26
Глава 3. Первый узелок интриг затягивается на моей шее...	37
Глава 4. Помощь пришла, откуда не ждали...	49
Глава 5. Неужели у меня будут друзья?	59
Глава 6. Чай, истории и неспешные разговоры...	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

ПРОЛОГ

~~ *** ~~

Когда в главном зале поместья Дэ собирается всё многочисленное семейство, места становится откровенно маловато. А всё потому, что у моих дедушки с бабушкой – Старых Господина и Госпожи – пятеро сыновей. А у каждого из них по несколько жён и, следовательно, множество детей. Так, у моего отца, Дэ Болиня, нас шестеро: четыре дочери и двое сыновей. Вернее, дочерей три. Меня за человека никто не считал. Голубоглазый демон. Только так и не иначе. Хорошо, что моя бедная мама умерла родами. Ей бы всю жизнь пришлось воевать за свою недоразвитую дочь. Но, с другой стороны, бедная я, которой пришлось воевать самой за себя. С детства выгрызая у жизни право просто жить.

Но сейчас речь не обо мне. Вернее, обо мне, но несколько в ином контексте.

Вот она я, стою сейчас посреди залы, и добрая сотня одинаково чёрных глаз смотрит на меня с разной степенью презрения. Мои дорогие родственники, чтоб им пусто было. Ведь они прозвали меня демоническим отродьем лишь за

цвет глаз. И за него же – возненавидели. Хотя... глаза у меня не такие уж и голубые. Скорее, тёмно-синие, а в пасмурный день и вовсе – сизые, как наползающие на небо тучи. Но не суть. Важно то, что родня ненавидела меня, а я не пылала любовью к ним. Даже к отцу, матушке (читай – мачехе), деду и бабушке. За что мне их любить?..

– Аньхэ, ты вообще слушаешь, что тебе говорят, несносная ты девчонка? – это, кстати, бабушка. Предварительно грохнув кулаком по столику, да так, что чайные чашки дребезжат. А все невестки вытягиваются в струнку и, кажется, вибрируют.

Эх, а с виду приличная пожилая женщина. Где ваши манеры, уважаемая Старая Госпожа Ма?

– Нет, – отвечаю честно и пожимаю плечами, – зачем, вы же все, – обвожу рукой почтенное собрание, – уже всё за меня решили. И, полагаю, выбора мне не оставили. Но общий посыл уловила, не беспокойтесь. На моём месте могла бы оказаться любая из моих драгоценных сестричек, – язвлю напропалую.

Мне можно. С меня малый спрос. Бить меня сейчас точно не станут – ведь семейство собралось здесь по важному делу: утром евнух из императорского дворца принёс указ. Тот и началась суeta. Ведь, согласно высочайшему повелению, одна из дочерей Дэ должна была войти в дом вана Ся в качестве его главной, законной, жены. И вроде бы надо радоваться – ван баснословно богат, состоит в родстве с импера-

тором, ещё довольно молод и, если верить слухам, невероятно красив. Мечта любой девы, да и только. Но вот незадача. Ван Ся – проклят. Любая женщина, вступив в его дом в качестве законной жены, не переживёт и брачной ночи. Уж не знаю, что он там с ними делал, кроме того, что обычно делают мужчина и женщина в брачную ночь, но уже три его жены сгинули в расцвете молодости и красоты. Понятное дело, что теперь ни одно уважающее себя семейство не пылало желанием отдавать за этого почтенного мужа своих дочерей. Ни одно, кроме нашей большой и плодovитой семьи Дэ. Девушек, достигших брачного возраста, у нас и впрямь хватало – дядья постарались. Но собрались здесь вовсе не за тем, что усадить в свадебный паланкин одну из моих сестёр. Нет, в него намеривались затолкать меня. Ту, которую не жалко. Поэтому сегодня меня точно не накажут за дерзость – они не осмелятся подсунуть вану совсем уж порченный товар. Мало, что глаза ненормальные, да ещё и синяки. Так и самим недолго наказание схлопотать.

Поэтому Старая Госпожа лишь сжимает кулаки и шипит:
– Да как ты смеешь!

Я не отвечаю, только усмехаюсь криво, говорю другое:

– И давайте заканчивать представление. Мне, вообще-то, к брачной церемонии надо готовиться, а это – дело небыстрое. Вы ведь видели корону феникса? Я одну её сто лет надевать буду. – Кланяюсь без всякого почтения. – Так что я пойду, – моя речь тонет в возмущённом шиканье, притвор-

ных возгласах, осуждающих фразах – семейство взбудоражено. В прежние времена они бы приказали выдать мне двадцать палок и запереть без еды в холодном дворце. Но тут – указ императора. Его надо исполнить в надлежащем виде. Ван ведь в высокие палаты вхож. А ну падёт его гнев на головы собравшихся здесь.

Поэтому моя Четвёртая тётя оказывается самой разумной, когда говорит:

– Аньхэ права – ей нужно собираться. А нам следует обсудить приданное. Негоже старшей законной дочери семьи Дэ выходить замуж, как нищенке.

Ах да, я действительно – старшая законная дочь семьи. Потому что мой отец – Первый молодой господин рода, первенец дедушки и бабушки. А моя мать была из почтенной и уважаемой семьи хоу Ченя и слыла первой красавицей империи. Отец влюбился в неё сразу же, как увидел. Их чувства оказались взаимными. Но вот бабуле они пришлись не по душе. Слышали, наверное, про ночную кукушку, что всегда перекукует дневную? Так вот, бабуля поняла, что теряет власть над сыном. Вот и придумала байку про мою мать – будто та спуталась с демоном. Подкинуть ложные улики оказалось несложно – моей бабушке нет равных в интригах. Она могла бы писать об этом трактаты, будь немного пограмотнее. Но ума настроить отца против матери хватило. А когда родилась я – то и доказательств измены больше не потребовалось. У кого ещё могли быть такие глаза, как не у дочери

демона? Моя мать умерла в холодном дворце, и ей даже не провели панихиду. Похоронили быстрее, чтобы слухи ползли меньше. Семья хоу, кстати, к тому времени утратила влияние и власть, у них настали не лучшие времена. Им точно было не до дочери, что ушла в другую семью... Поэтому никто не стал проводить расследование, как именно и почему умерла моя мать. Всем сказали, что она умерла, рожая меня. Это я, демоническое отродье, забрала её жизнь. Хорошо, пусть так, пока что я принимала такую версию. Но, став женой вана Ся, обязательно докопаюсь до правды.

Вот, уже нахожу преимущество в предстоящем замужестве. Значит, не всё потеряно.

Кланяюсь ещё раз и, развернувшись, иду к двери. Мои руки сложены на животе, а голова гордо поднята вверх. Они думали сломить меня, отдав замуж за проклятого? Ха! Глупцы! Я ведь сама – ходячее проклятье. Мне ли быть в печали?

Ехидная ухмылочка так и кривит губы.

Ещё посмотрим, кто будет смеяться последним, дорогие родственнички.

Поместье Дэ – огромно. На его территории спокойно могло разместиться несколько деревень. Но мне, старшей законной дочери семьи Дэ, нашлось место лишь на его задворках. Возле конюшен. В крохотной хижине, что даже прислуга имела приличнее. И сейчас, переступив порог, я закрываюсь рукавом – так сверкает мой свадебный наряд. Сёстры точно позавидовали бы мне, если бы не знали, что я умру,

как только мой супруг снимет его с меня и уложит на брачное ложе... Тут не до зависти.

По случаю моей свадьбы в лачугу даже притащили огромный чан. Сейчас он полон тёплой воды с лепестками роз.

— Ну, надо же, какая роскошь! — хмыкаю, скидываю свои жалкие одежды (прощайте, я не буду скучать по вас), поднимаюсь по ступенькам деревянной лесенки и, наконец, позволяю воде окутать меня. Как приятно. Можно прикрыть глаза, нырнуть под её толщу и остаться там навсегда. А семейство Дэ пусть само потом разбирается с последствиями. Но нет, я хочу жить. Какой бы паршивой не была моя жизнь до сих пор, я её люблю такой, какая есть. И надеюсь, что это взаимно.

Вокруг меня хлопочет, что-то приговаривая, Чунь Лэ, моя старая няня. Единственный человек, который никогда не считал меня уродкой или отродьем. Это она выходила меня, кроху, вымолила у отца право заботиться обо мне, жила со мной в холодном дворце. Готова была принять любое наказание, лишь бы выполнить мою просьбу. Помню, как сильно она пострадала, когда осмелилась принести мне письменные принадлежности и книги — я изъявила желание учиться. Чунь Лэ повредили ногу, с тех пор она ковыляла и приволакивала её. Но ни разу не упрекнула меня. Я была её любимой «юной госпожой». Пожалуй, Чунь Лэ единственная, по ком я буду искренне скучать в поместье вана.

Нянюшка помогает мне выбраться из чана, кутает меня в

тёплый халат, ведёт к зеркалу, но едва берётся за гребень, как раздаётся крик евнуха:

– Первая госпожа здесь.

– Принесла нелёгкая, – ворчим дружно и переглядываемся с Чунь Лэ.

Я даже не дёргаюсь, когда матушка входит в комнатку. Зачем? Уже завтра эта заносчивая стерва будет искать моего расположения и называть меня «Ваше Высочество». Ну, если я, конечно, переживу брачную ночь.

– Аньхэ, так-то ты приветствуешь матушку? – это подаёт голос Линчжу, моя драгоценная младшая сестрёнка. Вернее, старшая из трёх младших.

Пожимаю плечами:

– Я занята, как ты можешь заметить, сестричка. Собираюсь замуж. За вана. – Полуобрачиваюсь к ней, щёлкаю пальцами: – Напомни-ка мне титул твоего жениха? И свой статус?

Ты всего лишь вторая, Линчжу, смирись. И твоя мать тоже. А первая – я, голубоглазый монстр.

Красивые лица мачехи и второй сестры перекашивает злобой.

– Я хотела дать тебе материнские наставления, – фыркает та, которую мне все эти девятнадцать лет полагалось звать «матушкой», – но вижу, ты в них не нуждаешься.

– Вы очень проницательны, госпожа, – хмыкаю, прижав ладонь к груди. – Действительно, не нуждаюсь. А ещё не ста-

ну плакать и тосковать по вас, уж простите.

– Ты... Ты неблагодарная дрянь! – взвизывает мачеха, Линчжу рядом просто полыхает гневом.

А я морщусь, будто что-то старательно припоминаю:

– Нет, – отвечаю, – ни один повод для благодарности так и не пришёл на ум. Извините.

– Матушка, идём! – тянет её за рукав парчового ханьфу Линчжу. – А ты... Ты... – сестра у меня не очень красноречива и недостаточно умна. – Чтоб ты сдохла!

Хохочу, встаю, расставляю руки. Белые одеяния ниспадают весьма эффектно.

– Я – дочь демона, забыла? Сдохну – обрету истинную форму, явлюсь к тебе и сожру твоё сердце.

Сестра вопит и выскакивает прочь.

Мачеха плюёт мне под ноги и гордо уходит.

Для того и заходили, чтобы поглумиться в последний раз. Напутствовать, ага, так я и поверила!

– Продолжим, – усаживаюсь вновь на бамбуковый табурет перед зеркалом.

Чунь Лэ причёсывает меня, чтобы затем можно было уложить волосы в сложный узор. Но сначала – свадебный наряд. Многослойный, струящийся, из алого и тёмно-синего шёлка. Расшитый серебром, украшенный лазуритом и кораллами. В жизни не носила ничего столь красивого.

Интересно, а ван всем своим жёнам присылал такие наряды? Или они надевали этот же?

Чунь Лэ, ковыляя вокруг, осматривает меня:

– Какая же вы красавица, моя госпожа. Вся в покойную мать.

Вновь возвращаясь к зеркалу, бросаю на себя взгляд – и впрямь хороша: кожа белоснежна (на зависть сестрицам), волосы ниже бёдер, синие глаза утопают в длинных ресницах, губы алы от природы, а на щеках – нежный, полупрозрачный румянец. Да и фигура у меня что надо – хоть я и очень хрупкая, но округлая в нужных местах... Подмигиваю сама себе. Ничего, прорвёмся. Подумаешь, замужество. И пусть в моём случае – смертельное, унывать пока рано.

Чунь Лэ, выплетая узор из моих волос, тяжело вздыхает:
 – Вы слышали, госпожа, – произносит, наконец, – что проклятие вана распространяется только на его жён.
 – Только на жён? – повторяю за ней, вертя в руках изящную серебряную шпильку. – Что ты хочешь этим сказать?
 Она зачем-то склоняется к моему уху и шепчет:
 – На наложниц оно не действует.
 – Вот как, – удивляюсь и водружаю себе на голову корону феникса. Великолепно! Выгляжу, как императрица. – И что с того?
 – А то, госпожа, что их сейчас у вана Ся то ли девять, то ли и вовсе двенадцать.

– Да хоть две дюжины, – усмехаюсь я: мне нравится то, что вижу в зеркале. – Какое это имеет значение?
 – Я боюсь, – Чунь Лэ убирает прядки под корону, – они усложнят вам жизнь, госпожа.
 Улыбаюсь своему отражению на бронзовой поверхности, поправляю корону феникса и го-

ворю:
 – Что ж, тогда они умрут...

Они, действительно, умерли. Все.

Они, но не я.

Я осталась, чтобы поведать вам эту историю.

О мёртвых наложницах моего мужа.

О, она будет очень занимательной. Поэтому возьмите чай
и садитесь поудобнее.

Я расскажу вам, как они умирали.

Одна за другой.

Глава 1. И это, по-вашему, брачная ночь?

Красные бобы тускло поблёскивают глянцевыми боками. Красные свечи, догорая, наполняют комнату приторной сладостью. Простаивает свадебное вино.

Слышу, как ночной сторож кричит, что наступил уже Час Свиньи[1]. А я тут сижу почти с самого Часа Петуха[2]. При полном параде, между прочим. А всё почему? Из-за дурацких поверий: корону феникса должен снять муж. Только вот этот самый муж... где? Мало что на собственную свадьбу не явился... Да-да. Прислал вместо себя марионетку, представляете?! Членам императорской семьи разрешено создавать свои магические копии, чтобы те могли выполнять за них не особо важные поручения.

Свадебная церемония с дочерью семьи Дэ – это неважно, ага. Знали бы бабушка с дедушкой.

В общем, я натерпелась позора, пока делала с какой-то куклой три поклона, а у дверей в брачные покои та истаяла. И вот я сижу здесь, жду завершения ритуала.

Спина затекла, голова болит держать такую тяжесть, как этот дурацкий убор. Кто вообще это выдумал? Серебро, нефрит, драгоценные камни. Кто-то задумывался, сколько всё это весит?

Бедная моя головушка! Всё, не могу больше! К гуям[3] подземным эту корону.

Но едва начинаю растрёпывать причёску, как – будто из-под земли – выскакивает пожилая служанка.

– Госпожа, госпожа! Да что же вы делаете?! Нельзя! Не положено! Это ваш супруг должен снять!

– Супруг? – злюсь, выдёргиваю шпильку, швыряю ей под ноги. – А где вы его видите? Супруг, ау? – вскакиваю, начинаю метаться, показательно заглядываю в шкаф, ложусь на пол и пытаюсь что-то достать из-под кровати, но лишь ловлю пыль. Встаю на колени, протягиваю к служанке измазанные руки. – Вот, только пыль и паутина. А супруга нет. – Невинно хлопаю глазками.

Вижу, как почтенная женщина меняется в лице. Я могу её понять – в её голове сейчас рухнул целый свод правил и установок, завещанных предками, о женском поведении.

Ну, извините, о том, что я должна соответствовать – речи не шло.

– Поскольку мой супруг отлынивает от своих обязанностей, то почему я должна исполнять их? Это несправедливо, не находите?

Поднимаюсь и, даже особенно не отряхнувшись, плюхаюсь на брачное ложе.

– Но зато я понимаю, почему умирали прежние жёны вана – они здесь просто погибали от тоски и ожидания, так?

Глаза бедной служанки округляются – она испуганно ма-

шет на меня руками.

– Нельзя, госпожа. Не велено...

И я понимаю – ступила на запретную территорию. Проплакала по тонкому льду, под которым – мрачная тайна.

– А, кстати, где всё-таки мой супруг? У нас, вообще-то, брачная ночь, а он где-то прохлаждается?!

– Как вы смеете говорить о муже столь непочтительно? – делает мне очередное замечание эта зануда. – Наш ван – внучатый племянник самого императора! Его владения – треть империи...

– И? – вскидываю брови и продолжаю рушить причёску. – Это даёт ему право увиливать от исполнения супружеского долга?

– Это даёт ему право на всё! – отрезает служанка, грозно на меня поглядывая.

– Да ну, – усмехаюсь. – Я ведь теперь его законная жена, значит, император отныне и мой двоюродный дедушка. А значит...

Женщина отчаянно машет на меня руками:

– Госпожа, госпожа. Вы играете с огнём.

– А, да, огонь, – беру одну из свечей, подношу к пологам кровати. – Или ты сейчас же мне говоришь, где он, или я сожгу здесь всё, и ты сгинешь вместе со мной? – добавляю жути в голос. Я люблю-умею-практикую. И знаю, что мои синие глаза сейчас сверкают грозно и страшно.

Служанка падает на колени, ударяется головой об пол:

– Пощадите, пощадите, госпожа. Я скажу. Всё скажу. Господин... Он... он у наложницы Сунь...

– Ах, у наложницы Сунь! – говорю, а сама непроизвольно сжимаю в руке очередную вытащенную из причёски шпильку. – Вот значит как!

– Д-да, – запинаясь, соглашается служанка. – У неё внешне заболело горло. Господин остался с ней.

Сжимаю шпильку ещё крепче.

А может, несчастные девушки, которые становились жёнами этого бабника, умирали вовсе не от тоски? Пережить такой позор и унижение может далеко не каждая! Наверняка, накладывали на себя руки.

Но от меня не дождутся! Я собираюсь прожить долгую жизнь, назло всем врагам и злопыхателям.

– Где находятся покои наложницы Сунь? – спрашиваю, а сама надвигаюсь на служанку, как грозовая туча.

– Нет-нет, госпожа. Вам туда нельзя! Господин будет очень недоволен!

– О, – тяну я, – недоволен, значит? Но ведь я тоже могу быть недовольной. Хочешь посмотреть, каково это?

Бедняжка трепещет, как лист на ветру.

– Пощадите, госпожа. Не губите! Я скажу! Скажу! – она отползает от меня, лицо бледное, глаза, как баоцзы, побелели и округлились. – Павильон Голубого Лотоса на Востоке. Самый красивый из всех. Господин любит наложницу Сунь и балует её.

Недолго им осталось, усмехаюсь недобро, поудобнее перехватываю шпильку и иду на Восток.

Картина, что предстаёт моему взору, когда я всё-таки добираюсь до указанного павильона и беспрепятственно захожу внутрь – злит и будоражит одновременно.

На стуле-троне, развалившись, сидит очень красивый мужчина. Мне видна его мускулистая смуглая грудь и кубики пресса. По могучим плечам стекают длинные, чёрные, как смоль, волосы. Аристократическая ладонь небрежно свешивается с подлокотника. Тонкие длинные пальцы унизаны дорогими перстнями. Глаза его полуприкрыты и невероятные ресницы отбрасывают тени на высокие скулы. На чётко очерченных губах гуляет порочная улыбка. В другой руке он держит гроздь винограда. Её ловит ртом молодая женщина. Она тоже едва одета – потому что те прозрачные тряпочки, что трепещут вокруг её точёной фигуры, трудно назвать одеждой. На шее у неё болтается шарф, а под ним виднеются красные отметины – видимо, шарф затягивали многократно, вот он и оставил следы...

Женщина посмеивается, пытаясь губами уловить сочную ягодку...

А когда говорит – голосок полон мёда:

– Ах, господин... Ну не дразните меня...

Она – само кокетство. И, кажется, совсем не стесняется своей наготы.

Решаю привлечь внимание сладкой парочки и прокашли-

ваюсь.

Мужчина резко распахивает глаза и уставляется на меня. Я словно лечу в чёрную бархатную бездну.

Дыханье перехватывает, будто у меня самой на горле за-
тянулся шёлковый шарф...

В голове бьётся только одна мысль: «Какой красивый!» Мужчина красив настолько, что мне кажется, будто это небо-
житель спустился в мир смертных.

По красивым губам скользит довольная похабная улыбоч-
ка.

– О, жёнушка пожаловала, – и ни капли смущения в голо-
се. – Желаешь присоединиться, дорогая?

Я чувствую, как внутри поднимается ярость. Присоеди-
ниться? К этому разврату?! Я, между прочим, невинная де-
вушка! Да как он смеет предлагать мне такое!

Луч синего ослепительного света вырывается из меня
вместе с криком. Свето-звуковая волна сметает всё на своём
пути...

Моя злость сокрушительна и совершенна.

Её не унять.

Но Ся Инчжи оказывается шустрым. Он вскакивает, вы-
ставляет магический щит, закрывая себя и свою наложницу.
И, высовываясь из-за него, кричит:

– Милая, милая, успокойся! Я всё понял – ты злишься.
Успокойся и давай поговорим. Просто поговорим. Ты и я.
Сунь тут не причём. Хорошо?

Злость и впрямь отпускает. Я опустошена и разбита. Тряпичной куклой оседаю на пол. Но коснуться досок не успеваю – муж подхватывает меня. Легко, будто ничего не вешу, берёт на руки.

– Ты переволновалась, дорогая, – произносит с мнимой заботой. Но у меня больше нет сил злиться. Я роняю голову ему на грудь, выдыхаю терпкий аромат сандала и чего-то ещё и понимаю – этот мужчина только мой. Хочу его себе. Единолично.

Он несёт меня сторону брачных покоев, я не возражаю. Ведь это значит, что с меня снимут надоевшие тяжёлые одежды. А дальше...

– Ты не боишься? – странно, но в голосе Ся Инчжи мне чудится тревога.

– Чего? – уточняю я и вскидываю голову – взгляд упирается в волевой подбородок, замечаю прилипшую к щеке тёмную прядь, тянусь, отвожу её в сторону.

– Брачной ночи, – говорит он. – Знаешь, ведь, о моём проклятии.

Усмехаюсь:

– Аньхэ не верит в проклятия, господин. Аньхэ и сама проклята.

Ся Инчжи крепче прижимает меня к себе:

– Не говори глупостей. Ты – обычная девчонка. Очень красивая, конечно, но... обычная.

– Обычная? – ушам своим не верю. И это после того, как

я чуть не уничтожила павильон его наложницы вместе с ними... – Красивая? – он издевается? А как же мои глаза? – Зачем вы дразните бедняжку Аньхэ, господин?

– Вовсе не дразню, – он усмехается, – всё так и есть.

Он, наконец, приносит меня в брачные покои, бережно сажает на кровать, опускается рядом.

– Нужно завершить церемонию, дорогая.

Нужно, не спору. Но в чём подвох?

– Дело в вине? – осеняет меня догадка.

– В вине? – он вскидывает брови.

– Да, – говорю я. – Ваши жёны... Они же умирали, испив свадебную чашу, так ведь?

Он запрокидывает голову и смеётся.

– Аньхэ, ты просто нечто! – произносит, нахохотавшись.

– Полагаешь, я стал бы травить своих жён?

– Вы нет, но ваши наложницы – вполне. Плоха та наложница, что не мечтает стать госпожой.

Ся Инчжи ненадолго задумывается:

– В твоих рассуждениях есть логика, милая моя Аньхэ.

Но, увы, будь всё так просто – это не было проклятием...

Мне плакать хочется – такую идеальную теорию разрушил. А я уже представила, как буду наказывать наложницу Сунь. Эх...

– Тогда что? Аньхэ хочет знать...

Ся Инчжи берёт мою руку и переплетает наши пальцы:

– Хэ-эр, ты знаешь, как действует родовая магия?

Мотаю головой.

– Нет, я не проходила магического обучения.

Идеальные брови моего благоверного ползут на не менее идеальный лоб:

– Как так?

– Господин, вам разве не рассказали обо мне? Я ведь – синеглазый монстр. Жила в холодном дворце, а потом и во все – в лачуге. Я даже читать-писать выучилась, подглядывая за другими детьми. А магия... Ей и меня и вовсе никто не учил...

– Кажется, – хмурится Ся Инчжи, – у меня будут серьезные вопросы к тестю.

А я пугаюсь:

– Вы вернёте Аньхэ?

Вот этого совсем бы не хотелось – представляю, сколько будет насмешек и унижений. Реально могу не справиться.

– Нет, что ты, глупышка. Ты – моя жена. И если переживешь эту ночь – мы будем жить долго и счастливо вместе.

Вздыхаю с облегчением:

– Так что там про родовую магию? – мне интересно услышать объяснение. Ся Инчжи по-прежнему не отпускает моей руки и... это приятно.

– Видишь, как переплелись наши пальцы?

– Да, – трудно не заметить.

– Так же сплетается магия родов – мужа и жены – когда они образуют семью. Но при этом родовая магия – одна из

сильнейших. Она способна убить, разрушить, уничтожить. Такова магия моего рода. Она не сплетается с магией женщины, а убивает носительницу. Буквально выжигает её изнутри. К сожалению, я не сразу это понял. Когда погибла моя первая жена – я тоже искал причины вовне. Винил всех вокруг. Когда умерла вторая – задумался, ну, а похоронив третью, понял, наконец, что причина во мне.

Он грустнеет, голос под конец гаснет.

– А почему это не действует на наложниц?

– Они не проходят через те обряды, через которые проходит жена.

– Поэтому вы послали вместо себя марионетку? Чтобы на свадьбе Аньхэ была с куклой? Чтобы родовая магия не активировалась? – высказываю догадку.

– Да, пытался обезопасить тебя.

– А когда погибали ваши жёны, господин? Аньхэ хочет знать, что вы делали с ними?

– Целовал, просто целовал.

Прикрываю глаза и тяну к нему свои губы:

– Так давайте проверим, сработал ли ваш трюк?

Страшно ли мне? Да! Но любопытство сильнее.

Ся Инчжи властно опускает руку мне на затылок, притягивает к себе и склоняется и целует...

[1] Время суток с 21.00 до 23.00.

[2] Время суток с 17.00 до 19.00

[3] Злой дух.

Глава 2. Шёпоты в саду так чётко слышны...

Просыпаюсь просто с дикой головной болью. Осматриваю себя – ну, конечно, поцеловать удосужился, а раздеть – нет! Но поцеловал, надо признать, знатно! Будто припечатал, заклеил: *моя!* И ведь и впрямь теперь его – по законам Неба и Земли, но в тоже время – и нет. Ведь не он со мной поклонился клал!

Тот поцелуй... Он смёл меня, обезоружил. Он ведь был моим первым. Никто и никогда не целовал меня. Да ещё так горячо, так страстно, так властно. Подчиняя. Лишая воли. И самое главное – строптивая я очень даже желала быть подчинённой и лишённой, притом – не только воли.

Но... дальше поцелуя мы не зашли.

Оторвавшись от меня, Ся Инчжи прошептал:

– Потрясающе! Твоя магия сплелась с моей, смотри, – провёл рукой, и я заметила кокон, оплетающий нас – алые и белоснежные всполохи будто плясали друг с другом таинственный танец.

– Что это значит, господин? – его искренне восхищение заставляло меня трепетать от счастья.

– Это значит, я нашёл тебя, – проговорил он с затаённой нежностью, наклонился и целомудренно поцеловал в лоб: –

Спи, моя дорогая.

И я действительно уснула, сразу, упала на подушку и всё... Сны мне не снились.

Зато голова теперь болит жутко.

Шиплю сквозь зубы.

Нет, с этим брачным вином что-то определённо не так! И с моим мужем! Что за таинственность и недомолвки?

Я не успеваю коснуться ногами пола – как дверь распахивается, и в комнату буквально вливается целая вереница служанок. Одна другой краше. Разодетые в шелка – иная госпожа такие не носит.

Впереди – очень красивая девушка в лило-розовом ханьфу. Ей очень к лицу. Она кланяется и говорит:

– На Нин готова служить вам, госпожа. Господин ван велел хорошо позаботиться о вас.

Её голосок звучит словно мелодия. Да и сама девушка – воплощённая нежность и элегантность.

Я лишь согласно качаю головой – на большее нет сил: пришли заботиться – так снимите с меня этот дурацкий наряд.

Девушки охотно раздевают меня. Потом – ведут в купальню. Она оказывается как раз за дверями спальни.

И тут у меня вырывается неприличное:

– Ого-го!

Купальня сооружена над природным горячим источником. Здесь не то, что омовение совершить, поплавать можно.

С удовольствием погружаюсь в тёплую воду. Моему

нечастному телу, в которое буквально впечатались все камни и узоры свадебного наряда, это просто необходимо.

Когда я, наконец, выхожу из воды – румяная и довольная, служанки встречают меня восхищёнными вздохами:

– Наша госпожа так красива!

Мне непривычно, что люди хвалят меня. Превозносят мою красоту. Ну ничего, я привыкну. Говорят, к хорошему привыкают быстро. Мой муж так хорош собой – должна же соответствовать.

Затем меня наряжают и причёсывают. Так долго, что у меня начинает урчать живот.

На Нин лишь улыбается, слыша эти звуки:

– Господин уже велел накрыть вам в павильоне Белого Лотоса. К тому же, вы должны принять чай из рук наложниц.

Звучит, будто принять яд. И, видимо, я в своих подозрениях недалеко от истины. И ещё точно знаю одно – в присутствии этих змеюк мне точно кусок в горло не полезет. Точно! Досточтимый ван решил уморить меня голодом?

– А мой любезный супруг ко мне присоединится?

На Нин вздыхает:

– Господин ван уже изволили позавтракать и спешно отбыли во дворец. Сегодня важное совещание министров при дворе.

Ах да, ах да. Помнится, мачеха тоже сетовала: как только надо решать вопросы с гаремом – у мужчины находятся тысячи важных дел, а ты, дорогая, выгребай, как можешь. Ты

ведь – глава гарема. Это честь для любой женщины.

Ну что ж – честь так честь. Будем как-то сами.

– Веди, – говорю старшей служанке: я уже полностью готова, образ идеален – ни убавить, ни добавить...

Павильон Белого Лотоса великолепен, как и сама беседка, буквально парящая над лotosовым прудом. В кристально-чистой воде плещут белые и алые карпы. И я засматриваюсь на них, вспоминая, как вчера так же плясала наша с Ся Инчжи магия. Но в беседке мне остановиться не дают – На Нин увлекает меня дальше. Госпоже дома надлежит вкушать яства в главной зале.

Тут, с двух сторон выстроились низенькие столики, возле которых расположены изящные циновки. Поверх – нарядные коврики, узоры на них свидетельствуют о богатстве обладательницы.

Но не коврики у столиков приковывают моё внимание, а молодая женщина, что похабно разваливается на месте, которое по праву принадлежит мне. Я узнаю её – при свете дня она ещё ослепительнее, чем в полумраке личных покоев. Наложница Сунь. Играет с виноградной гроздью. Только в этот раз держит её сама. Но картина выходит очень знакомой – я считываю намёк.

– Да как ты смеешь! – почти рычу. – Это я – законная госпожа. Твоё место – у моих ног.

Наложница Сунь оглядывается, меряет меня презрительным взглядом и фыркает:

– С чего ты решила, что можешь здесь командовать? Ты – никто.

А сама – даже позы не меняет. Так и сидит, свесив ноги через подлокотники трона.

– Ты что-то путаешь, – добавляю в голос сладости, – это ты никто, а я – госпожа. В том числе и твоя. И могу велеть наказать тебя.

– Попробуй, – усмехается наложница Сунь и кидает в рот спелую виноградину.

Я оборачиваюсь к На Нин и командую:

– Немедленно стащите эту мерзавку с места госпожи и дайте ей двадцать пощёчин.

На Нин и другие девушки, пришедшие со мной, лишь падают на колени и причитают: «Госпожа, не заставляйте нас... Не усложняйте нам жизнь...»

Сзади, едва ли не у меня над ухом, раздают аплодисменты.

– Сестрица Сунь, ты великолепна!

Оборачиваюсь, наталкиваюсь взглядом на молодую женщину. Я могла бы охарактеризовать её одним словом, но потрачу два – *красивая стерва*. Нет, даже три – *очень красивая стерва*. Да ещё осанка и движения – любая императрица позавидует.

Красавица wpłyвает в зал в окружении других наложниц – их одиннадцать, значит, моя Чунь Лэ узнала почти верную цифру. Ханьфу цвета зори, расшитое голубыми и пурпурными облаками, колыхается вокруг идеальной фигуры, будто

крылья небесной феи трепещут.

Она обходит меня по дуге, как заразно больную, и направляется напрямиком к наложнице Сунь.

Та встаёт ей навстречу.

– Сестрица Сунь, – приторно тянет красавица.

– Сестрица Дин, – отвечает та.

Они расцеловываются, хотя то и не полагается этикетом.

Наложница Сунь берёт наложницу Дин за обе руки и подводит к трону – МОЕМУ ТРОНУ! Он так широк, что они помещаются на нём обе. Продолжают держаться за руки, как давние подруги.

– Сестрицы, присаживайтесь, пора начинать...

Остальные наложницы, гомоня, рассаживаются по своим местам. Эти девицы тоже ведут себя так, будто меня здесь нет. И вот вскоре я остаюсь единственной стоять посреди залы. Потому что остаётся лишь одно место – столик у самых дверей.

– Сестрица Вэй опять приболела, – качает головой наложница Сунь. – Тогда ты, – она обращает свой взор на меня, – можешь пока что занять её место.

– Пока... что... – повторяю, потому в голове не укладывается.

Наложница Дин усмехается, прикрывая рот веером. Но глаза её полны презрения.

– Кончено, – не унимается наложница Сунь. – Когда сестрица Вэй поправится, ей же надо будет где-то сидеть.

Девушки хихикают, прикрываясь длинными рукавами дорогих одежд.

Ну уж нет! Я не буду сидеть у двери, к тому же – временно! Я здесь, чтобы занять своё законное место!

– Это ты сейчас встанешь и пойдешь на место у двери, – чеканю, – а я буду сидеть на своём законном месте.

– А если я не уйду, что ты мне сделаешь? – она явно издевается, намекая на мой недавний провал. Судя по всему, слуги в этом поместье не то что руку поднять на наложницу Сунь не смеют, но даже просто косо посмотреть. Наказать её не удастся. Во всяком случае – не сейчас.

Жаловаться вану – тоже не вариант. Хороша я тогда буду, как глава гарема, если без мужа не могу других женщин на место поставить.

– Кажется, ты забыла вчерашнее... – выпускаю пару небольших голубоватых вспышек гулять по пальцам.

Наложница Сунь улыбается ещё наглее:

– Это ты, *сестрица*, кажется, не знаешь здешних правил. Пользоваться магией на территории поместья может только господин, а остальные – лишь в случае, когда их жизни угрожает опасность... Иначе их ждёт суровое наказание, вне зависимости от ранга...

– Ай-я-я! – шепчет в веер наложница Дин. – Как же неловко...

Её фраза тонет в ехидных смешках других наложниц.

Да уж – сила явно не на моей стороне. Но это временно.

Скоро я пойму, как вести себя с ними и как поставить на место каждую. А пока что – злая и голодная – выбегаю прочь.

Вслед мне несётся звонкий девичий смех.

Такого унижения я давно не испытывала.

Да уж, госпожа, которую так легко унизили какие-то наложницы!

Углубляясь всё дальше и дальше в сад я прихожу в себя, лишь когда понимаю – растительность стала скудной, а почва под ногами превратилась в сплошные острые камни. По ним едва ли можно ходить в моих лёгких шёлковых туфельках.

А потом – слышу шорох и затаиваюсь за очередным чахлым кустиком. Вижу перед собой небольшую, вымощенную бамбуком, платформу. На ней – тренируется мужчина. Он – обнажён по пояс: и я могу видеть широкие плечи, мощную грудь, мускулистые руки... Длинные, чёрные, как смоль, волосы липнут к спине и плечам. Мужчина высок и, судя по всему, неимоверно силен. Вот только его лицо...

Оно скрыто маской.

Плотной, чёрной и уродливой.

Будто демон скалится. Бррр...

Маска не вяжется с его обликом – почему-то мне кажется, что незнакомец должен быть столь же красив, как и Ся Ин-чи. Ведь рост и телосложение у них совпадают.

Мужчина вдруг замирает... Несколько минут будто вслепую ловит направление и... прежде чем я успеваю сориентироваться – оказывается рядом. Острейшее лезвие касается

моей шеи.

Судорожно сглатываю.

– Пощадите, господин, – лепечу, боясь шевельнуться, – Аньхэ не хотела дурного. Она заблудилась...

И тут он уставляется на меня – смотрит в упор и не видит. Потому что... на меня сейчас таращатся пустые и мутные глаза слепца.

– Кто ты такая? – голос незнакомца звучит хрипло, будто у него повреждено горло. Мускулистая грудь вздымается, по ней бегут капельки пота. Я заворожено слежу за ними. Так легче не думать о клинке у моего горла.

– Дэ Аньхэ, старшая законная дочь советника министра Дэ Болия, – бормочу в ответ. – Вчера вошла в дом господина вана как первая супруга.

– Жена? – переспрашивает незнакомец в маске. – Вчера? – потом убирает меч, но тут же грубо хватает меня за горло, поднимая над землёй... – Отвечай правду. – Встряхивает зло, смотрит в сторону, другой рукой сжимает меч.

– Не могу... отпустите... задыхаюсь...

Мужчина пускает меня, резко, будто чего-то пугается.

Я шлёпаюсь на камни, больно ударяясь копчиком. Скулю, катаюсь по земле, потирая больное место.

А этому слепому монстру всё равно – он продолжает допрос.

– У вас уже была брачная ночь?

– Не ваше дело! – огрызаюсь: когда меч не касается моей

шей – могу быть смелее.

– Отвечай! – рычит незнакомец.

Фыркаю:

– Вот вернётся ван – у него и спросите.

Поднимаюсь, цепляясь за тот же хилый кустик, встаю, отряхиваюсь, бросаю на незнакомца испепеляющий взгляд, который он, разумеется, не видит, разворачиваюсь и, как только могу быстро, бегу прочь обратно по той же тропинке, что и пришла.

Полдороги мне кажется, что слепой монстр в маске гонится за мной. Окончательно запыхавшись, почти падаю на ближайшую скамью и обмахиваюсь рукавом:

– Да что же я такая невезучая.

Но, оглянувшись, понимаю, что это не так – скамья, на которой сижу, довольно в укромном месте, скрыта ветвями деревьев и живой изгородью впереди... А ещё здесь очень хорошо слышны голоса.

Говорят двое – мужчина и женщина.

Женский голос узнаю безошибочно – наложница Сунь.

– Дорогой, нам повезло в этот раз. Ся Инчжи сказал, что её магия отозвалась.

Слышны звуки поцелуев и шелест одежды.

– Любовь моя, неужели в нас всё получится? – с придыханием произносит мужчина. Его голос мне не знаком.

– Конечно, осталось лишь провести обряд. И мы у цели...

Дальше не слушаю – сил нет слушать такое бесстыдство.

Выскальзываю из своего убежища и спешу к себе. Нужно дождаться вана и предупредить его. А заодно узнать, о каком обряде шла речь...

Что-то не нравится мне всё это.

Ой, как не нравится!

Но как же хорошо, что в этом саду даже лёгкие шёпоты слышны так отчётливо.

Глава 3. Первый узелок интриг затягивается на моей шее...

Лишь забежав в свою комнату и переведя, как следует, дыхание, осматриваю себя и обнаруживаю – волосы разметались. Я потеряла ленту. Должно быть, когда попала в лапы того слепого придурка. Удумал же – хватать, швырять! Брр...

Попа прилично болела, а на шее... О, нет!

У меня кожа не только белая, но и очень нежная. Ещё ма-чеха сетовала, что ни один синяк не утаишь. Даже если она легко меня била – синяки были такие, будто меня избивали долго и со знанием дела...

И вот теперь у меня на шее красуются лилово-синие, уходящие в свинцовую темноту, следы мужских пальцев.

Кажется, в пору, задумываться о шарфе, как наложница Сунь. Но та хоть скрывала следы любовных игр, а я...

Как объясню мужу? Что скажу?

Только собиралась рассказать ему об изменнице наложнице Сунь, а тут сама влипла. Да ещё – в таком змеюшнике.

Ох, горе-горюшку, что же мне делать теперь?

Мечусь по комнате, как пойманная в клетку куница. Чую, и участь меня ждёт такая же – шкуру спустят. Ой-ой.

Но судьба сегодня была совсем немилосердна ко мне. За-

ходя на очередной круг своих метаний, я оборачиваюсь и оказываюсь нос к носу с жутким созданием.

Крик застывает у меня в горле.

Существо предо мной будто сгорело в печи или выбралось из самого Диюя[1]. Тёмная до черноты кожа, глаза навыкате, яркие крупные губы, за которыми мелькают белоснежные зубы.

– Госпожа, госпожа, не бойтесь. – Говорит демоническое создание вполне по-человечески, а не рычит-мычит-хрюкает, и то уже радость. Маленький демонёнок поднимает вверх ручонки, в одной из них зажата керамическая баночка. – Хёйсо не причинит зла. Хёйсо прислал господин. Он накажет Хёйсо, если узнает, что тот напугал госпожу.

Голос малыша-демона становится совсем жалким и плаксивым. И я осторожно ставлю на место вазу, которой уже намеревалась запустить в адское существо.

– Хорошо, – говорю, показывая ему пустые руки, – я не буду бояться, только ты не подходи ближе.

– Хёйсо не подойдёт. Он лишь принёс мазь. Это – магическое лекарство из личной аптеки моего господина. Господин сказал, что вы ушиблись и поэтому прислал вам мазь. А ещё передал свои искреннее извинения за то, что был груб.

Меня отпускает – этот чёрный малыш вовсе не демон, ему просто не повезло родиться уродливым. И, видимо, он единственный, кто согласился служить слепому мужчине в маске.

– Передай господину, что извинения приняты, – и очень

надеюсь, думается про себя, что мы больше никогда не увидимся, – а мазь оставь там, на столике.

– Хорошо, госпожа, как скажите.

Малыш оставляет своё подношение, а сам, пятясь задом, покидает мои покои.

Дождавшись, чтобы шаги полностью затихли, я всё-таки подхожу к столу и беру мазь. Открываю баночку, нюхаю. Пахнет приятно. Подхожу к зеркалу – сейчас проверим действие. Поддеваю пальцем вязкую белёсую массу, наношу на кожу. И – о, чудо! – синяки исчезают бесследно. Замечательно! Чудесно!

И только теперь понимаю, что не спросила у Хёйсо имя его господина. Кого же мне благодарить?

– Госпожа, госпожа, – это голос На Нин, и я рада, что она является только сейчас, – вы ничего толком не поели сегодня. Эта служанка позволила себе выбрать на свой вкус немного закусок. Надеюсь, госпожа будет довольна.

Довольна? Да я жареного демона готова сожрать! Такой голодной давно не была.

Спешу за стол.

Это называется – *немного*? Да тут яства на любой вкус. И я, наконец-то, воздаю им должное. И плевать, что делаю это неэлегантно, тут никого нет, кроме меня и служанок. Но, оказывается, недолго...

– Господин ван здесь, – сообщает писклявый голос от двери, та распаивается, впуская моего благоверного.

Даже глаза рукой прикрываю, а то ослепнуть можно от такого великолепия. Даром, что он просто ван, а не император – одежды и украшения ничем не уступают императорским. А в сочетании с красивой внешностью и вовсе вызывают приступ немного восторга.

Я теряю дар речи, и вместо того, чтобы приветствовать мужа, как полагается, просто вскакиваю, вытягиваю руки по швам, выпучиваю глаза и открываю рот.

Ся Инчжи вовсе не злится на меня, наоборот, по-доброму улыбается и произносит своим бархатным обволакивающим голосом:

– Я тоже рад тебя видеть, дорогая.

Делает шаг ко мне, сгребает в охапку и чмокает в лоб.

– Присаживайся, Аньхэ, – тянет меня вниз, а сам отдаёт приказ На Нин: – Вели подать ещё прибор и блюда. Я желаю сегодня трапезничать с моей дорогой супругой.

Моё глупое сердечко трепещет от счастья.

Он хочет разделить стол со мной, а не с одной из этих зазнаек-наложниц.

– Как прошёл твой первый день? – интересуется, вооружившись палочками и подкладывая кусочки повкуснее мне на тарелку.

Меня чуть не слопали змеюки, которых вы, дорогой супруг, пригрели в своём гареме. Мне очень хочется это сказать, но тогда я буду жалкой и беспомощной в его глазах. А мне вовсе не хочется терять лицо.

– Возникли кое-какие недоразумения с сёстрами, но, думаю, всё быстро решится, мой господин.

– Я уверен, – он протягивает руку и смахивает рисинку, что прилипла у меня в уголке губ. – Тебя приняла моя магия, значит, примет и гарем.

Куда денется, говорю мысленно. Я вовсе не собираюсь отступать. Более того, намерена пойти в наступление прямо сейчас.

– Но за некоторыми из сестёр вам следует приглядывать получше.

– Что имеешь в виду? – вскидывает свои идеальные брови Ся Инчжи.

– Наложница Сунь... – выпаливаю, зажмурившись.

И напряжение становится ощутимым. В комнате повисает мучительная тишина, которую разрывает хмык вана.

– Что с ней не так? – строго спрашивает он.

– Кажется... нет, я почти уверена, что у сестрицы Сунь связь на стороне. Сегодня Аньхэ слышала, как она говорила с мужчиной, и это были не вы, мой господин...

Ну вот, сказала, но облегчения не почувствую. Да и судьба вновь решает посмеяться надо мной, на этот раз голосом наложницы Сунь:

– Наглость! – восклицает она.

И я того же мнения: явилась сюда без приглашения, да ещё с целой свитой. И наложницу Дин прихватить не забыла.

Мне становится не по себе – кусок встаёт поперёк горла,

и я неприлично закашливаюсь, обрызгивая слюной и остатками пищи вана.

Наложницы и их прислужницы брезгливо морщатся.

– Как смеет эта девка, которую ещё надо учить манерам, клеветать на меня без доказательств?

Она ступает в сторону Ся Инжчи, падает перед ним на колени, обнимает его за ноги и, глядя снизу – пронзительно, чисто, со слезой – канючит:

– Мой господин, защитите меня от злых наветов. Я готова поклясться, что чиста перед вами. Моё сердце навек отдано только вам, мой господин. Разве кто-то в этом мире может сравниться с вами?

Её лесть и жалобы падают на благодатную почву. Вы же помните про ночную кукушку? Вот то-то и оно. Я ею пока не стала, а она – да, и знает слабости вана, и умеет на них играть.

Лицо Ся Инчжи суровеет, он смотрит на меня, как на гниль.

– Изволь объясниться, Дэ Аньхэ! И предоставь доказательства!

Замираю: что у меня есть? Только лишь подслушанный разговор?

– Молчишь? – голос мужа наполняется холодом.

– А я знаю, мой господин, – нежно лепечет наложница Сунь, – почему она возвела этот навет на меня. Эта мерзавка сама решила так скрыть свою измену! – гадина тычет в

меня пальцем с ярко-красным ногтем. – И у меня есть доказательства.

Она ловко поднимается, изящно отряхивая одежды, и направляется к одной из своих служанок – розовощёкой и пухлой, выводит её вперёд и требует:

– Су Жун, расскажи, что ты слышала, но говори лишь правду.

Я каменею. Неужели, кто-то подслушал наш разговор с демонёнком? Выходит, что так. Но я ведь не изменяла! Да и можно ли с тем чудовищем? Я бежала от него со всех ног и никогда бы не пожелала встретить вновь. Но все эти слова вязнут у меня в горле. Куда девается недавняя бойкость и дерзость?

– Госпожа, пощадите, разве эта жалкая раба посмеет сказать такое, при господине!

Ся Инчжи поднимается и командует уже сам:

– Рассказывай, или я прикажу выбить из тебя признание. Девушка дрожит всем своим грузным телом.

– Пощадите, господин, проявите милосердие. Ведь я лишь передаю то, что услышала.

– Говори же! – рявкает ван, и бедняжка едва ли не подпрыгивает на месте.

– Сегодня я случайно проходила мимо покоев госпожи Дэ, – случайно, ага, как же! – когда услышала голоса. Госпожа Дэ была явно напугана, и я подумала, что ей может быть нужна помощь, и поскольку этой бездельницы На Нин рядом

не было, я подошла ближе, чтобы иметь возможность защитить госпожу, если ей будет угрожать опасность. Но то, что я услышала... Это... Это...

– Не мямли уже! – ван явно злится – судя по всему, ему хочется быстрее покончить с этим и разобраться со мной.

– Там был слуга. Мальчик. Он говорил о каком-то господине, который прислал госпоже лекарство, потому что... Ох, я лишь передаю чужие слова, не вините меня господин, но тот слуга так и сказал: «Он был груб с вами, и теперь вы ранены»

Лицо вана закрывает грозовая туча.

– Дорогой, – это кидается к нему наложница Сунь, – мы должны обыскать комнату сестрицы Дэ. Ведь Су Жун могла неправильно понять слова того слуги, так ведь? – служанка активно машет головой – она готова подтвердить что угодно. И не мне её винить – она спасает свою жизнь.

А вот я – ни жива, ни мертва. Потому что точно помню, что оставила ту баночку на тумбочке возле зеркала. Стало быть, её легко найдут, и тогда... Станет ли Ся Инчжи разбираться? Позовёт ли того странного человека, что живёт на задворках его же поместья? Или...

Об «или» думать не хочется.

– Обыскать, – командует ван, не сводя с меня злого взгляда.

Обыск возглавляет наложница Дин, она же через пару минут и приносит ту самую склянку.

– Вот, мой господин, взгляните.

Ся Инчжи хватает баночку и всячески вертит её, а потом – заметив оттиск на крыше, принимается хохотать, а затем обращается к наложнице Сунь:

– Дорогая моя, это – подарок одного моего знакомого нашей Хэ-эр. Я больше чем уверен, что изменить с ним она не могла. А вот то, что он груб с барышнями – известный факт. И это вовсе не та грубость, моя дорогая... Я очень ценю твою бдительность, милая, но впредь, прежде чем спешить ко мне с докладом, сама всё выясни, и говори, только когда будешь полностью уверена. А пока – иди к себе и перепиши сто раз «Женские добродетели», ту главу, где рассказано, как наложница должна относиться к своей госпоже. А то ты, кажется, подзабыла.

Наложница Сунь меняется в лице. Она собирается вновь упасть на колени и умолять, а ещё хочет разорвать в клочья свою служанку.

Наложница Дин подаёт голос, вставая за неё:

– Господин, сестрица ни в чём не провинилась, она лишь заботилась о вашей репутации и нашей семье. Разве стоит её наказывать за заботу?

– А разве я наказываю? – Ся Инчжи склоняет голову к плечу и кривит губы в усмешке. – Лишний раз заучить женские добродетели пойдёт на пользу нашей дорогой Сунь. Но раз ты считаешь это строгостью – иди и пиши вместе с ней.

Обе девицы хоть и бледнеют, но не смеют возражать. Под-

держивая друг друга и шикая на служанок, они, наконец, покидают мою обитель. И тогда Ся Инчжи раскрывает объятия. Я тут же кидаюсь в них, прячу лицо и хнычу.

– Простите, господин, Аньхэ должна была сразу сказать, что встретила того странного человека.

Ван гладит меня по волосам, как маленького ребёнка:

– Верно, Хэ-эр, чтобы больше никто не разоблачал тебя, лучше рассказывай всё сама и сразу. Если ты скажешь мне наедине, мы просто поговорим. Но если что-то подобное вскрыется публично – прости, но мне придётся тебя сурово наказать.

– Аньхэ поняла, – хнычу, – спасибо за урок, господин.

– А теперь давай сядем, – он подводит меня за руки к кушетке, усаживает и берёт за руки, – как ты встретила Тайюши?

– Тайюши? – повторяю имя. Она кажется мне звучным и достойным. – Аньхэ просто шла по саду, куда глаза глядят, заблудилась и увидела человека. Он тренировался с мечом. И ещё, – вожу рукой перед лицом, – у него была маска... Он напугал Аньхэ, пригрозил клинком, а потом и вовсе схватил за шею... Вот и всё. Как только он отпустил – Аньхэ тут же убежала.

Ся Инчжи качает головой:

– А-Ши, А-Ши, как же ты глуп!

– Кто он? – спрашиваю то, что беспокоило меня с момента нашей встречи.

– Мой старший брат.

– Старший брат... – повторяю. – Так вот почему его фигура и осанка показались Аньхэ знакомыми! Но почему он скрывает лицо? И что с его глазами? Как он ослеп?

Ван тянется ко мне и ласково щёлкает по носу:

– Ты очень любопытна, Хэ-эр. Всему своё время. Пока же избегай его, не ищи встреч.

Складываю руки в молитвенном жесте:

– Да спасёт пресветлый Будда от этого человека!

Ся Инчжи ничего не отвечает, только усмехается.

– Дорогая, я планировал сегодня любоваться вместе с тобой луной. Имперский астроном сказал, что нынче она будет необыкновенной. Поэтому переоденься и присоединяйся ко мне. Я буду ждать тебя в беседке у Павильона Белого Лотоса.

Все страхи и печали сегодняшнего дня снимает, как рукой. Будто их тоже помазали волшебной мазью. И следа не осталось.

Мне хочется визжать, петь и прыгать.

Ся Инчжи дарит мне ещё один лучезарный взгляд, ссаживает с колен и уходит. А я – двинуться не могу. Сижусь, обхватив щёки, – они пылают, как заря.

Но судьба, видимо, не насмеялась надо мной сегодня.

Потому что в комнату вбегает юная прислужница, бухается передо мной на колени и вопит:

– Наложница Вэй... Там наложница Вэй...

Я помню, эти стервы сегодня говорили, что эта самая сест-

рица Вэй приболела. Это её столик пустовал у двери. Она единственная из двенадцати, кого я ещё не видела, и, видимо, не...

– Что с ней? – к горлу подступает ком.

– Она... – лепечет девушка, а я – уже знаю ответ... – она скончалась.

Первая, вдруг проносится в голове.

Поднимаюсь – эх, луна, похоже, на сегодня откладывает-ся.

– Веди, – говорю служанке, и та поднимается и зовёт меня за собой.

Проигнорировать такое происшествие я не могу.

Не сейчас, когда эти кобры сделали стойку.

По дороге – невольно трогаю шею. Кажется, на неё кто-то накинул незримую удавку и теперь затягивает узел...

[1] Подземный мир в Древнем Китае.

Глава 4. Помощь пришла, откуда не ждали...

Мне очень хочется остаться и не идти. Честно сказать, я просто не выношу вида трупов. Но... Плоха я буду, как глава гарема. Да и позволить не могу, чтобы под носом творилось подобное. Нельзя же вечно делать вид, что всё нормально.

Эти мысли кружатся в голове, когда, подхватив юбки, мчусь следом за служанкой.

– Бедная, бедная моя госпожа! – хнычет девчонка впереди меня. – Господин ван так ни разу и не одарил её своей благосклонностью. Не вошёл к ней. Напрасно она ждала, бедняжка.

Мне тоже становится жаль эту малышку Вэй. Должно быть родители продали её состоятельному мужчине. А тот – даже не удосужился позаботиться о ней. Это ли не жалкая судьба?

Павильон, в котором жила наложница Вэй, располагается на задворках огромного поместья вана. А ведь всем давно известно – чем ближе покои наложницы к спальне господина, тем более она любима и лелеема. И вообще – зачем мужчине ходить далеко, если всё самое вкусненькое есть под боком?

Когда подхожу к покоям наложницы Вэй, по ушам режет вой – служанок у неё было всего три. Одна бегала за мной,

двое других прилежно оплакивают госпожу. Вот только искренности в их плаче ни на цунь[1].

Подхожу к ложу, отодвигаю полог...

О, благословенный Будда!

Бедняжку просто искорежило, выжгло магией.

– Уже установили время смерти? – спрашиваю, поспешно отворачиваясь.

– Д-да, – говорит одна из служанок, поднимаясь с колен – видно, не очень-то она и скорбела по усопшей госпоже. – Лекарь Хань осмотрел тело. Он сказал, что смерть случилась вчера. В Час Свиньи.

Час Свиньи! Не может быть! Это же время, когда я...

Нет-нет-нет...

– Вы что-нибудь слышали? Госпожа кричала, звала на помощь?

Девушки дружно и наперебой галдят:

– Нет, всё было тихо.

А вот это уже странно. Если её задело моей голубой вспышкой – то она наверняка должна была вопить от боли. Это не осталось бы незаметным. К тому же, я помню, как магический щит Ся Инчжи рассеял мою магию. То есть, если сюда и долетели какие-то отголоски, то они были очень слабенькими. А значит, могли поранить, но не убить. Что-то здесь не так...

– Сегодня, когда все собрались в главном зале Павильона Белого Лотоса, было сказано, что сестрица Вэй приболела.

Так ли это?

Служанки переглядываются, толкают вперёд ту, что прибежала ко мне. Она кулем валится на колени с воем:

– Помилуйте, госпожа.

Мне хочется закатить глаза – обычно, с этого крика всё и начинается...

– Поднимись и расскажи всё, как было, – чеканю, потому что чувствую, как подкрадывается головная боль. Права была Чунь Лэ – эти наложницы серьёзно усложняют мне жизнь. Даже своей смертью.

– Утром, – торопливо начинает девица, – я принесла госпоже умываться и увидела её такой. Я сказала Сяо Ба и Сяо Мин, – она мотает головой в сторону двух прислужниц, – и мы решили, что пока лучше скрыть смерть нашей госпожи. Тем более что вскоре явилась наложница Дин, что пригласить нашу госпожу на церемонию подношения чая...

Ага, много они поднесли, думается мне, но что было, то было. Сейчас важнее, что есть. Поэтому я велю служанке продолжать:

– И?

– И мы... мы...

– Вы сказали, что госпожа заболела и не сможет прийти, верно? – подсказываю им.

– В-верно, – соглашаются дружно.

– А потом? Почему всё-таки решили позвать лекаря?..

– Она же мёртвая...

– Страшно...

– Жуть берёт...

Всё ясно: суеверия – отличный способ обратить ложь в правду.

– Но потом, когда лекарь Хань сделал заключение, почему не сообщили?

– Много всего случилось, – лепечут оправдания, – вы были заняты, а потом пропали, а потом наложница Сунь...

Вот же гадины! Вынюхивали обстановку! Ждали, кто победит, и решали, к кому тогда идти. С одной стороны у меня есть право злиться на них и даже наказать. Но с другой стороны... Разве не хозяева вынуждают слуг быть хитрым и изворотливыми, чтобы выжить?

Вздыхаю и взмахиваю рукой:

– Хорошо, устройте своей госпоже достойные похороны. Я распоряжусь, чтобы вам выдали всё необходимое. А пока – мне нужно разобраться в том, от чего на самом деле умерла сестрица Вэй...

Сзади раздаётся ехидный смешок – оборачиваюсь: ну, конечно, наложница Сунь и наложница Дин. Будто в этом доме может произойти что-то без их участия?

Пытаюсь быть гордой и главной:

– Как вы посмели выйти? Разве господин не приказал вам переписывать «Женские добродетели»?

Обе переглядываются и хихикают:

– Глупышка, – наложница Сунь буквально впечатывает

своё лицо в моё – так она близко, – мы нарушили приказ господина, и теперь он нас накажет, по-другому, лично... Так ведь, сестрица Дин?

Стерва и рада стараться – поддерживает во всём:

– Конечно, сестрица Сунь. О, – она томно закатывает глаза и округляет губы, – как же сладки наказания господина. Ради них стоит нарушать правила.

Вот же... похабные девки! Ни стыда, ни совести.

– Где ей понять, сестрица Дин, – чуть ли не поёт наложница Сунь, – ведь господин ещё не делил с ней ложе.

– Ай-я-я! – с мнимым сожалением тянет наложница Дин.
– Боюсь, сестричку Дэ ждёт та же участь, что и малышку Вэй – она умрёт невинной при живом-то муже!

И обе стервы, уже не скрываясь, смеются.

Сжимаю кулаки:

– У вас обеих вообще совесть есть? Тут вообще-то человек умер! И я пытаюсь разобраться в обстоятельствах смерти!

– А чего разбираться, – фыркает Сунь, усаживаясь в небольшое креслице у кровати, – ты ведь знаешь, кто стал причиной? Или мне тебе напомнить, что случилось вчера в Час Свиньи? – она выразительно вскидывает тонкие брови и в упор смотрит на меня. Наложница Дин стоит рядом, положив ей ладонь на плечо. Их двое против меня одной. Хотя нет – полагаю и остальные наложницы, и прислуга – все на их стороне. У меня здесь нет ни власти, ни влияния.

Но... так просто меня не возьмёшь.

– Ты просчиталась, сестрица Сунь, – говорю резко. – Господин развеял вчера мою магию. Или ты сомневаешься в его способностях?

– Что ты! Наш господин, – её голос становится восторженно-мечтательным, – великолепен. Он очень силён и могущественен. Лучший во всей Империи. Ему нет равных. Как я могу сомневаться в нём.

– Ну, тогда ты должна понять, что рассеянная магия не могла нанести сестре Вэй таких увечий.

– Магия нет, а вот проклятие... Оно вполне могло.

– Проклятие? Какое ещё проклятие? – эта гадина постоянно придумывает что-то такое, что у меня не получается просчитать.

– То, которое ты несёшь на себе, то, что убило твою мать. Взрагиваю.

Да как они посмели! Это – запретная территория. Но, похоже, не для наложницы Сунь.

– Я в этот раз послушала господина и всё тщательно проверила. Послала людей в твой родной дом, и твоя матушка всё нам рассказала. Ты – дитя демона! Твоя мать согрешила и заплатила за свой грех жизнью, выпустив на свет такого монстра, как ты.

– Что за бред ты несёшь? – меня слишком трясёт от возмущения и гнева. – Моя мачеха расскажет обо мне и моей матери что угодно. Её словам веры нет.

– А чьим есть? – фыркает у неё над ухом наложница Дин.
– Твоим что ли? Да у тебя же на лице всё написано – твои глаза...

– Причём тут мои глаза? Это просто цвет. Мало ли из-за чего он мог стать таким?

– Из-за магии демонов, – вместе произносят обе наложницы, – тут и гадать нечего. Все знают, что у демонов необычные глаза.

Наложница Сунь встаёт и плавно, покачивая бёдрами, направляется ко мне:

– Но мы поможем тебе.

– Да-да, – подхватывает наложница Дин. – Мы же не можем позволить страдать нашей дорогой сестрёнке.

– Су Жун! – зовет наложница Сунь. – Пора!

Су Жун входит в комнату с такими же крепкими девицами, как и сама. Одна из них держит сосуд, из которого валит зеленовато-бурый пар.

– Позволь нам позаботиться о тебе, сестрёнка, – с приторной нежностью в голосе сюсюкает наложница Сунь. – Не сопротивляйся, и всё закончится быстро.

Дородные девицы направляются ко мне, грубо хватают за руки, выворачивая их, и вынуждают упасть на колени. Наложница Сунь довольно крепко для своего сложения удерживает мою голову, а наложница Дин хватает кувшин с явным намерением влить мне в рот ту мерзкую жижу...

Я пытаюсь брыкаться и лягаться, но силы явно неравны,

эти твари надёжно удерживают меня. И наверное у них бы получилось, если бы хриплый низкий голос не рявкнул:

– Что здесь происходит?

Они отскакивают от меня, как ошпаренные, и уставляются на новое лицо в этом спектакле.

Вернее, не лицо – а маску: чёрную, непроницаемую, зубастую. А в её прорезях – пустые белёсые зрачки. Да и сам мужчина с головы до ног одет в чёрное с серебром. От незнакомца – точнее, знакомца, но только мне – исходит давящая аура.

Какой жуткий!

Я невольно съёживаюсь.

Наложницы тоже приуменьшают спесь.

– Г-господин Ся Тайюши? – бормочу. Похоже, лишь я знаю его имя.

Он не отвечает, только хмыкает под маской и чеканит грозно:

– Я задал вопрос: Что. Здесь. Происходит? – он выделяет каждое слово, говорит нарочито медленно, видимо, чтобы лучше дошло.

– Эта женщина, – лепечет бледная, как погребальный саван, наложница Сунь, тыча в меня пальцем, – одержима демонами. Мы хотели исцелить её.

– Вы – заклинатель? – продолжает допрос Ся Тайюши. – Тогда предъявите бирку вашего клана. – Наложница Сунь тушуетса совсем. Вот-вот готова на колени упасть. А муж-

чина протягивает руку в чёрной перчатке ладонью вверх и ждёт, когда в неё положат бирку.

– Нет, но...

– Нет! – рявкает Ся Тайоши, да так, что даже я, всё ещё удерживаемая онемевшими служанками, подпрыгиваю. – Тогда какого гуя вы творите? Вы знаете, какое наказание полагается за самовольное изгнание демонов?

– Господин... Господин... – наконец, стервы соображают, что пора беречь свою жизнь, падают на колени, ползут к нему.

Он отступает, и в движениях его столько брезгливости, будто вляпался в дерьмо.

– Тридцать палок! – распоряжается он. – Каждой! А служанкам, за содействие, по пятьдесят! – его слуги – зря я решила, что ему прислуживает лишь чёрный демонёнок – такие же тёмные и молчаливые возникают ниоткуда и хватают всех женщин. Их утаскивают прочь, вопящих и молящих о пощаде.

Я встаю, отряхиваюсь, разминаю руки, которые мне пре-
большо заламывали.

– Пятьдесят палок... – бормочу. – Это слишком сурово! Аньхэ как-то двадцать дали – она думала, что умрёт.

– Хотите тоже принять наказание? – бросает мне Ся Тайоши. Я стараюсь держаться от него подальше, пячусь к двери.

– Нет, но они всё-таки женщины. Им ещё рожать.

– Женщины? – усмехается Ся Тайоши. – Они? Да вы ещё

глупее, чем я думал.

– Глупее? – взвиваюсь. – Да вы знаете Аньхэ всего ничего!

– Этого достаточно. Вы непроходимо глупы, драгоценная невестка, если не почуяли элементарного.

– Элементарного? – повторяю за ним. – Это чего же?

– Змеинового коварства, – говорит он. – А между тем тут прямо смердит змеиной магией. В следующий раз, – хмыкает с какой-то горечью, – если чувствуете, что в деле замешана магия, зовите не лекарей, а заклинателей. А то может быть поздно – от яда магических змей нет противоядия.

От каждого его слова меня продирает жутью, но при этом я понимаю – у него нет цели пугать меня просто так.

А я, наконец-то, добираюсь до двери, разворачиваюсь и вновь несусь прочь. Дважды за день встретить Ся Тайюши – серьёзное испытание.

И пусть он помог мне сейчас – записывать его в союзники не спешу...

[1] Наименьшая мера длины в древнем Китае: 1 цунь = 3,73 см.

Глава 5. Неужели у меня будут друзья?

Останавливаюсь, перевожу дыхание.

Я же собиралась в Павильон Белого Лотоса – любоваться луной с Ся Инчжи! Супруг ждёт меня. То-то ноги сами несли в нужном направлении.

Но когда подхожу ближе – замечаю в беседке две фигуры. Одна...

Опять он! Почему опять он? Этот мужчина словно мой злой рок. С него начались мои несчастья в этом доме!

Хорошо, что сейчас я могу лицезреть только его широкую спину и могучие плечи. Видеть снова ту зубастую маску, в глазных прорезях которой мелькают бельма, больше нет сил.

Поэтому замираю, прижав ладони к груди, где бешено колотится сердце – его переполняют гнев и раздражение. Этот человек будто нарочно преследует меня. А я ведь хотела держаться от него подальше.

До меня долетают обрывки разговора.

– ... как ты мог притащить в свой дом змей?

Ся Инчжи фыркает и произносит то, что заставляет мои щёки ярко вспыхнуть:

– Знал бы ты, брат, как они хороши в постели.

Ся Тайюши вскидывает руку, останавливая его излияния.

– Избавь меня от таких подробностей, Чжи-эр. Это полнейшее безумие – менять безопасность домочадцев на постель... Ты теперь наследник рода Ся! А всё время забываешь об этом!

– А-Ши, я ценю твою заботу, но сейчас ты преувеличиваешь: малышки Сунь и Дин – просто сладкие девочки и очень умелые, к тому же. Они не опасны.

Ся Тайюши лишь хмыкает под маской. Странно, но мне в его хмыке чудится грусть. Не хватало ещё, чтобы я начала сочувствовать этому...

– Невестка, – он не оборачивается, лишь слегка ведёт головой в мою сторону, – разве тебе не говорили, что подслушивать некрасиво? – и я замечаю, как рука ложится на гарду меча. Снова решил угрожать мне клинком.

– Не пугай её, брат, – говорит Ся Инчжи. – А ты, Хэ-эр, иди сюда.

Он открывает объятия, и я юркаю в них, пряча лицо в него на груди. Так мне спокойно, и даже жуткий Ся Тайюши уже не так страшен. – Она не подслушивала – у нас с Хэ-эр нет секретов друг от друга, так же, малышка?

– Да, мой господин, – задираю голову, чтобы посмотреть на него, полюбоваться, отдохнуть глазами. – Аньхэ как раз шла к вам, чтобы всё рассказать. Уважаемый старший брат, – не поклон, а кивок в его сторону – всё равно же не видит, – просто опередил её.

Ся Тайюши кланяется в ответ – приложив руку к груди и

низко опустив голову, будто виноват.

– Желаю прекрасного вечера брату и невестке, – произносит нейтрально. – Я задолжал вам свадебный подарок.

Разворачивается и... прыгает, будто отталкиваясь от воздуха. Миг – и сливается с надвигающимися сумерками.

– А-Ши, постой! – только и успевает крикнуть мой супруг вслед удаляющейся тёмной фигуре. Но понимая, что не докричится, переключается на меня: – Он снова был с тобой груб?

– Нет, совсем нет, господин, – спешу заверить. – Но... Он велел наказать ваших наложниц. Разве это допустимо?

– Конечно, – подтверждает Ся Инчжи, берёт меня на руки и несёт к столу в центре беседки – здесь вино и лёгкие закуски, – он ведь старший в роду. Правда, – склоняется к уху, – я немного изменил наказание. Никому не позволю увечить моих девочек. Так что не переживай за сестёр, они будут в порядке.

Я и не переживала, а в кои-то веки была согласна с Ся Тайюши – обе наложницы заслужили хорошей взбучки. Но... если бы они и впрямь пострадали, как бы стали служить господину на ложе? Конечно, он не мог такого допустить. Да и я тоже – ведь забота о муже должна быть у меня первичной. Даже если предстоит заботиться о гареме.

Кстати, о гареме.

– Сестрица Вэй... – начинаю, но Ся Инчжи обрывает меня, касаясь губами моих.

– Больше не думай об этом, малыш. Теперь это моя забота. Я уверен: ты уже распорядилась о достойных похоронах.

Значит, никакого расследования не будет? Ему всё равно, как погибла бедняжка Вэй? Но спорить с господином не хочу – да и подустала сегодня от склок и споров. Однако кое-что прояснять всё-таки не мешает.

– Господин, может ли Аньхэ спросить вас о вашем брате?

Ся Инчжи вздыхает:

– Спрашивай.

– Почему вы зовёте его А-Ши? Он же старший!

– Таким было распоряжение брата. Ведь у нас, кроме друг друга, нет другой родни. А после того, как брат пострадал... Первое время он был беспомощным. Именно, как малое дитя. Я заботился о нём тогда, вот и вошло в привычку.

– А почему он, будучи старшим, живёт где-то на задворках и не управляет имением? Ему что – всё равно?

Ся Инчжи играет с моими волосами, ведёт носом от виска к щеке:

– Всё сложнее, Хэ-эр. Мы же – члены императорской семьи. А все, кто имеет отношение к императору, под пристальным вниманием миллионов глаз. Как может слепой и изуродованный человек зваться внучатым племянником императора? Брат и сам понимает весь расклад – он всегда чтит правила и устои. О его праведности и преданности трону ходили легенды. Поэтому он выбрал официально умереть для всех. Мы даже провели похороны. В Зале Предков стоит и

его табличка.

– То есть, сейчас он не человек, а почти призрак? – интересуюсь я.

– Да, в какой-то мере он больше призрак, чем человек... Но... я не позволю, чтобы на нашем свидании был третий – пусть даже в разговорах. Давай лучше о нас, Хэ-эр, и взгляни, какая сегодня дивная луна.

Луна и впрямь сегодня хороша – ей хочется посвящать стихи. Но я не сильна в поэзии – меня этому не учили.

Зато ван – хорошо образован, и показывает мне это сейчас, читая нараспев:

*Не понимал я в детстве, что это – луна,
Тарелкой чистой, белой представляется,
Быть может, это зеркало Яо Тай[1]
Висит, за облака цепляется.*

*Цветет Гуй[2] – дерево из Лунного Дворца,
На нем волшебник, ноги свесив, появляется,
Трет лунный заяц зелье, в нем трава,
Могу спросить, кому оно предназначается?[3]*

– Как красиво! – искренне хвалю я. – О чём эти строки, мой господин?

– О том, что мир полон магии, любовь моя, – он берёт мою ладонь и снова переплетает наши пальцы. – Смотри, видишь её танец?

Я и действительно вижу, как моя белая и его алая энергия выются друг вокруг друга. Это завораживающе-прекрасно.

– Но почему сейчас магия Аньхэ белая, а та вспышка была голубой? – отрываюсь от созерцания наших сплетённых рук, и люблюсь тем, как магические огоньки отражаются в больших и красивых глазах моего мужчины. Делают его ещё прекраснее и загадочнее. Словно красный и белый окуни плещут в чёрном ночном озере.

– Потому что, – поцелуй в висок, – твоя магия особенная, Хэ-эр. Она так же красива, как ты. – Он встаёт, понимая меня на руки. – Дорогая, ты устала за сегодняшний день, тебе нужно отдохнуть. Слишком много впечатлений для такой малышки, как ты.

– Господин, – я беззастенчиво обнимаю его за шею, всё же он – мой муж, чего мне стесняться? – а когда... – я немного смущаюсь и сбиваюсь, не в силах произнести то, что хочу...

– ... консумируем наш брак? – заканчивает он за меня.

– Д-да, – говорю, смущаясь, и радуюсь, что сгустившаяся тьма скрывает мой румянец.

Ся Инчжи загадочно улыбается:

– О, как ты нетерпелива, любимая. Я и сам не могу дождаться. Но... мы завершим брачный обряд, когда луна окрасится в красный. Ты уже знаешь, что это – цвет моей родовой магии. Поэтому... твой первый раз будет особенным.

Краснею, но довольная – господин заботится обо мне, хочет подарить чудесную брачную ночь...

– Пока что не думай об этом, Хэ-эр. Больше отдыхай.

Он снова, как в нашу брачную ночь, целует меня в лоб, и сон тянет вниз мои веки. Но в этот раз я засыпаю не так глубоко. Чувствую, как супруг приносит меня и укладывает на кровать. Как даёт распоряжения На Нин – холодные, расчётливые, в которых нет и капли любви:

– Приглядывай за ней до обряда. Если что-то случится – головой будешь отвечать. Алая луна появляется лишь раз в десять лет, а Краснохвостая комета и того реже. А уж обе вместе – великая удача. Если мы упустим возможность сейчас, потом её может просто и не быть...

Так вот почему, думается мне, он так зачастил к императорским астрономам. Меня ждёт вовсе не сладкая ночь любви, а какой-то обряд. И есть предчувствие, что он очень мне не понравится.

Так вот зачем я тебе, притворщик! Ну что ж, спасибо, что предупредил.

Делаю вид, что сплю и дальше. Так легче думать и взвешивать за и против.

На Нин гасит свет, задёргивает полог, проверяет окна и, наконец, уходит.

Я тут же сажусь, кладу на колени подушку, прикусываю зубами её край.

Нужно разузнать, что за обряд.

Как жена я же имею право на доступ к семейным архивам? Вот с них завтра и начнём...

– Аааа! – прерывает мои размышления мой собственный вскрик, но я тут же закрываю себе рот, чтобы не привлекать лишнего внимания, и вовсе глаза таращусь на создание передо мной.

Она словно соткана из белой дымки, а дыхание её холодно, будто воздух в морозный день. Здесь, под пологом, тут же наступает зима. А когда незнакомка задевает меня прозрачной ладошкой – обжигает, как лёд.

– Ты... ты...

– Вэй Юймин, – кланяется призрак.

Всматриваюсь в неё – она была хорошенькой.

– Почему ты всё ещё в этом мире? – спрашиваю, тут же перестав бояться. Тому, кто трижды в день встречает Ся Тайоши, никакие потусторонние сущности не страшны.

– Потому что моя душа жаждет отмщения, но я сама не могу отомстить им... Призрак не может противостоять магии змей.

– Значит, всё-таки змеи, – констатирую со вздохом. – Они стали причиной твоей смерти?

Мне совсем не хочется, чтобы старший брат мужа оказался правым, но всё идёт к тому, что это так.

– Да, огромная змея заползла в мою спальню и укусила меня. Они подгадали день и час, чтобы свалить потом вину на тебя.

– Но ведь им тоже нужен какой-то обряд? – вспоминаю разговор наложницы Сунь с неизвестным мужчиной. – За-

чем им меня убивать?

– Они и не собиралась. Тот отвар, как я разузнала, был призван подчинить тебя, сделать безвольной куклой.

Гадины!

Сжимаю кулаки.

– А почему ты решила рассказать это мне?

Вэй Юймин улыбается:

– Ты единственная, кому было не всё равно, как я умерла.

И ты же единственная, кто поможет мне отомстить.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – мы можем быть полезны друг другу, сестра Вэй.

– Верно, сестра Дэ. Ты завтра проследи за наложницей Сунь – она наверняка побежит к своему любовнику. Докладывать, что их план провалился.

– А почему сейчас не побежит?

– Господина обхаживает – делает вид, что страдает после наказания. А на самом деле, как только те слуги замахнулись на них палками – обе наложницы приняли свою истинную форму и как зашипят на них. Те и разбежались. Приказы господина Ся Тайюши здесь не спешат выполнять.

Ну да, вспоминаю недавний разговор с мужем, он же – призрак.

– Моё время – ночь, – продолжает Вэй Юймин, – с первыми лучами солнца я уйду. Днём действуй ты. Я постараюсь разузнать всё о том обряде, а ты – выведи на чистую воду наложницу Сунь.

– Договорились...

Вэй Юймин подмигивает мне, улыбается, поднимает палец вверх и исчезает.

Оставив меня размышлять над тем, как же я жалка, если мой единственный друг – призрак.

Не могу дождаться утра, чтобы начать свою атаку на наложницу Сунь. Но утро приносит с собой новую проблему, имя которой – наложница Коу...

А случается следующее...

[1] ***Яо Тай*** - волшебное царство в китайской мифологии.

[2] Здесь в значении «*дерево, растущее только у Лунного Дворца*».

[3] Автор стихотворения **Ли Бо** (современное произношение **Ли Бай**) или **Ли Тай-бо** (кит. 李白; 701—762/763 г.) — китайский поэт времён династии Тан. Известный как «бессмертный в поэзии» (кит. 诗仙), Ли Бо принадлежит к числу самых почитаемых поэтов в истории китайской литературы и считается одним из крупнейших мировых поэтов. Он оставил после себя около 1100 произведений (включая около 900 стихотворений).

Глава 6. Чай, истории и неспешные разговоры...

Едва я просыпаюсь и совершаю утреннее омовение, как слуги докладывают:

– Пришла наложница Коу. Просит встречи с госпожой.

Наложница Коу. В тот день все они, кроме Дин и Сунь, слились для меня в одно пятно – красивое, яркое, изысканное. К тому же, девушек мне не представляли. И я смутно помню, как выглядит эта самая наложница Коу.

– Хорошо, – киваю, поправляя причёску, – пусть войдёт.

Мой наряд сегодня безупречен – бирюза и изумруд переплетаются в нём. В украшениях – эти же камни. Мне идёт – подчёркивает глаза. Улыбаюсь своему отражению в зеркале и выхожу в главную залу.

Наложница Коу вовсе не красавица. Да тут некоторые служанки краше! К тому же полновата. Такую можно называть лишь одним словом – простушка. Ничего в ней особенного. Да и наряд незамысловатый – персиково-песочный, да ещё и не первой свежести. Видимо, содержание у неё не столь велико, чтобы платья менять.

Она держит в руках поднос, на котором исходит паром свежезаваренный чай. Аромат... Ммм...

Но! Брать что-то из рук наложниц я теперь опасаясь.

– Сестра Коу, – интересуюсь, не предложив ей сесть, – что привело тебя?

Надеюсь, наш разговор будет недолгим. Утомлять её, заставляя стоять с подносом в руках, мне не хочется.

– Эта недостойная заметила, что сёстры не спешат выражать своё почтение госпоже. И не могла допустить подобно-го неуважения. Она пришла, чтобы поднести вам чай.

На Нин тут как тут и шепчет мне на ухо:

– Наложница Коу – мастер чайной церемонии. Её даже называют Богиней Чая. Её дядюшка держит самую лучшую чайную в нашем городе. Наверняка вы слышали о чайной господина Во?

Ну, конечно! Кто же о ней не слышал! Ведь там собираются лучшие сказители – знатоки мифов и легенд разных стран и народов. До замужества, случалось, я украдкой сбегала туда, чтобы послушать их рассказы. Говорят, там даже иноземцы бывали, правда, я их никогда не видела. А уж какой там подавали чай! Лучше и не придумать. Или он был так вкусен из-за того, что шёл вдобавок к историям?

Наложница Коу внезапно становится родной и близкой. Ведь с чайной её дядюшки у меня связаны самые лучшие воспоминания. Даже если меня наказывали после моих вылазок – оно того стоило. Сколько я грезилась потом картинками из тех сказаний – весёлых и грустных, любовных и героических... Сколько слёз пролила над ними! Сколько радости испытала!

Сама кидаюсь к наложнице Коу, забираю у неё поднос, веду к столу:

– Не стой там, сестрица, присядь. У меня к тебе будет много вопросов.

Она покорно склоняет голову и произносит:

– Коу Хуами готова ответить госпоже.

Усаживаемся вокруг стола.

На Нин суется, добавляя к чаю ещё и закуски.

А моя гостья тем временем наливает чай в чашку, мешая кисточкой, добавляет ароматные травы и протягивает мне.

– Коу Хуами приветствует госпожу, желает ей здравствовать долгие годы и родить много детей. Этой чашкой признаю старшинство сестры Дэ и обещаю во всём слушаться и почитать.

Ну как не принять чай после таких слов? Лесть, как говорится, и кошке приятна. А ещё у наложницы Коу нет мотива – это раз. Два – её все знают, как мастера чайной церемонии. Если со мной что-то случится – подозрение сразу же падёт на неё.

Да и На Нин не была бы так спокойна – ведь Ся Инчжи велел ей беречь меня, как зеницу ока, до самого обряда. Вряд ли бы она стала рисковать, позволяя мне выпить отравленный чай.

Поэтому спокойно принимаю чашку из рук Коу Хуами и делаю глоток.

– Восхитительно! – вырывается невольный крик. – Ты и

вправду Богиня Чая.

Она притворно смущается:

– Госпожа, вы нарочно дразните эту ничтожную.

– Вовсе нет, сестрица Коу, я хвалю тебя искренне. Выпей и ты. Попробуй, что у тебя получилось. – Оборачиваюсь к служанке: – На Нин, давай с нами.

– Эта раба не смеет.

– Ой, да брось! – машу рукой. – Церемонии отложим для других случаев. А здесь мы все просто девушки. Пьем чай и болтаем. Садись-садись, давай.

Она ещё немного сопротивляется – для вида. Но слава о таланте Коу Хуами разжигает её любопытство. И вот уже чаша На Нин полна ароматного напитка.

Поднимаю свою:

– Давайте выпьем за наш союз и поклянемся друг другу в вечной верности.

Как ни странно, обе – и наложница, и служанка – поддерживают мой тост. Конечно, играть в преданность им сейчас выгодно. Мой отец называл это ситуативными союзниками. Но пусть хоть так – мне, пока что, выбирать не приходится.

На Нин храбрится и налегает на османтусовые пирожные. Я же предпочитаю выпечку из красных бобов. Тем более, что в доме вана она просто божественная.

Отправляя в рот очередной кусочек и запивая его чаем, На Нин говорит:

– Госпожа Коу, вы ведь выросли в чайной своего дяди?

– Так и есть, – подтверждает та, – я проводила там сутки напролёт.

– Стало быть, вы знаете какую-нибудь занимательную историю? Ну, из тех, что постоянно рассказывали там?

Коу Хуами вдруг серьёзнее и бросает на меня странный взгляд.

– На самом деле я знаю немного, – говорит она. – Но одна легенда всегда казалась мне весьма занимательной. Если позволите, эта ничтожная поведаёт её вам? – обращается ко мне.

И я милостиво соглашаюсь – когда я отказывалась от хорошей истории?

Мы удобнее устраиваемся, переместившись на подушки, разбросанные по ворсистому ковру. Чай и закуски переносим сюда же – с ними истории веселее.

И Коу Хуами начинает:

– Давным-давно жил на свете один юноша. Он был так прекрасен, что поэты прославляли его, сравнивая с луной и нефритом. Но сколь он был прекрасен внешне, столь жесток и бессердечен внутри. Юная девушка любила его всей душой. Она отдала ему не только свою любовь, но и своё тело. Однако, проведя с ней ночь, юноша высмеял её перед своими друзьями, обесчестил, унизил. Бедняжке не оставалось ничего другого, кроме как наложить на себя руки. Но, умирая, она возвала к богам и попросила тех наказать прекрасного зазнайку. Боги вняли её мольбам – вскоре юноша погиб, а

переродился уже в теле нудного холостяка, который, к тому же, был уродлив и слеп...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.